

Л.Г. КОЛЕСНИКОВА

СВЯЗИ ХЕРСОНА-КОРСУНЯ С ПЛЕМЕНАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Письменные источники рисуют довольно живую картину торгового обмена в Северном Причерноморье в средневековую эпоху (Кулаковский 1914: 88; Константин Порфирородный 1934: 7; Шестаков 1908: 46, 52, 69, 71-73; Якубовский 1928: 63, 65-67; Новосельцев 1982: 126). Сведений не так уж много, но они дают главное направление при изучении археологического материала и оправдывают предположения, без которых не обойтись, имея лишь обрывки когда-то огромного целого.

При восстановлении картины международных связей Херсона-Корсуня существенное значение могли бы иметь монеты города, но, к сожалению, их обращение было сосредоточено в основном в трех районах: Поднепровье (Киевская Русь), Саркеле (Белая Вежа) и на Тамани (Кропоткин 1962: 2; 1965: № 28,54,69,72-76,81,86; Соколова 1983: 56-57, 125, прим. 218). В этих областях исторически сложилась активная экономическая жизнь в границах двух государственных образований - Киевской Руси и Хазарского каганата. События, происходившие здесь, отражены в значительном числе документов: договорах, литературных сочинениях политиков, историков, путешественников, миссионеров. Археологический материал дополняют письменные сведения конкретными фактами, например, фактом пребывания в Херсоне различного «варварского» населения (Кулаковский 1914: 75; Шестаков 1908: 116; Кулаковский 1898: 18).

На территории Восточной Европы найдено небольшое количество византийского экспорта: шелка, художественного стекла, кости, византийской эмали и множество византийских монет (Даркевич 1974: 94-97, рис. 1; Кропоткин 1962: 17, карты 3-8; Даркевич 1975: 268, 269, 279, 294, 297; Фехнер 1977: 130 сл.). Однако участие Херсона в системе торговли Византия - Русь лишь предполагается и не без основания. Херсон был византийским городом, его экономика была частью византийского организма, ориентированного на международную торговлю. Он обладал бронзовой и золотой византийской монетой (Соколова 1983: 110; 1968: 254-255, 259; Гилевич 1959: 267-268); имел для

продажи или обмена «шелковые ткани, перевязи, муслины, бархат, перец, красные парфянские кожи и другие нужные товары, на какие существовал спрос» (Константин Порфирородный 1934: 7). Все перечисленные товары вывозила на Русь Византия, а импорт Херсона, если таковой был, невозможно отличить от импорта Византии.

В самом Херсоне картина иная. Г.Ф. Корзухина, А.Л. Якобсон, затем Г.Д. Белов, Н.В. Пятышева и Л.Г. Колесникова выделили четыре группы вещей из Руси, найденные в Херсоне.

I. Оружие.

1. Три бронзовых наконечника ножен X-XI вв. (Корзухина 1950: 65-68, табл. 1, 26, 48; Белов 1955: 227, рис. 19).

2. Бронзовая литая двенадцатишипная булава (Колесникова 1975: 266, рис. 2 а). А.Н. Кирпичников датирует такие булавы XII-XIII вв., а центром их изготовления считает Киев (Кирпичников 1966: 52, тип IV, табл. XXII, 4).

3. Погребение русского воина X в. с набором оружия: большой железный узкий нож-засапожник, 9 наконечников стрел (было 12), железные петли колчана с бронзовыми оковками (не сохранились) (Колесникова 1975: 264-267, рис. 1).

4. К этой же группе можно добавить яйцевидный кистень из кости с сохранившимся в нем железным стержнем с петлей (Рис. 1/1), найденный при раскопках Портового района Херсона в 1966 г. (Архив НЗХТ. Дело 1160: 18, 19). Аналогичный кистень есть в Саркеле (Белая Вежа) с процарапанным на нем княжеским знаком, датируемым X-XI вв. (Косцова 1968: 44).

II. Изделия из овручского шифера.

1. Прясла из розового шифера. В разное время в разных районах Херсона, по моим подсчетам, найдено 80 прясел из овручского шифера, включая и те прясла, которые опубликовал А.Л. Якобсон (Якобсон 1985: 118-119, 126-127). Но было их, конечно, больше, так как раскопки еще продолжаются и коллекции музея пополняются.

Прясла встречаются в Херсоне в кварталах с монетами от IX-X вв. до XII-XIII вв.; 25 из них

можно датировать IX-X вв. по сопутствующему материалу, остальные происходят из верхних культурных слоев. Датировка большинства предметов затруднена, так как в условиях интенсивной городской жизни предметы быта часто перемещались из одной среды в другую, либо найдены в цистернах, засыпь которых не имеет хронологической четкости. К этому добавляются изъяны научной документации начальных археологических работ в Херсоне.

2. Фрагмент мозаичного набора из тонких пластин белого мрамора, черного, серого и розового овручского шифера, найденного в цистерне близ Уваровской базилики (Архив НЗХТ. Дело 101: 8, № 2128).

3. Небольшая подвеска-лунница (Рис. 1,2, инв. № 6004).

III. Керамика.

1. Два горшка (инв. № 17140, 17201) и амфорка киевского типа (инв. № 37041/208), которые, по мнению А.Л. Якобсона, попали в Херсон до 1240 г. (Якобсон 1985: 121-122, рис. 3; Каргер 1978: табл. LXXIV).

2. Черепки 11 горшков XI-XII вв. из раскопок Н.В. Пятышевой (1974: 64-68, рис. 1, 2).

IV. Кресты.

1. 12 бронзовых энколпионов изданы Г.Ф. Корзухиной (1958: 128-136, табл. II-IV).

2. Два фрагмента бронзовых энколпионов (инв. № 5128) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, планшет LXXXI, 6, 12).

3. Бронзовый киотный крест (Белов, Якобсон 1953: 137-138, рис. 29, 30 на с. 147-148; Корзухина 1958: 135-136).

Находки в одном квартале четырех русских крестов: киотного и энколпиона в одной усадьбе и 2-х энколпионов в соседней – позволили А.Л. Якобсону сделать вывод, что этот квартал был заселен русскими, имеющими свою церковь и своего священника (Якобсон 1985: 127-128). Переселение славян в Херсон он связывал с татарским нашествием на Русь, позже добавив: «Бегство русских людей в Херсон объясняется не только доступностью в то время водного пути в Западный Крым, но и определенным пиететом к этому некогда славному городу с единоверным населением – городу, в котором Владимир принял христианство» (Якобсон 1964: 168, прим. 53).

В свою очередь, Г.Ф. Корзухина не нашла «доказательств художественного и идеологического воздействия Херсона на Древнюю Русь» (Корзухина 1958: 135). Иные выводы в то время вряд ли были возможны: во-первых, в материальной культуре Херсона не было ярких примеров его взаи-

модействия с восточными славянами, которые бы своим наличием привлекли внимание исследователей к единичным предметам, затерявшимся в массе археологических находок другой культуры, во-вторых, многие важные артефакты появились уже после публикации авторами своих работ.

Вот один из примеров. В 1963-1965 гг. в Портовом районе Херсона был раскопан так называемый «храм с аркосолями» (Колесникова 1978: 160-172), в котором была найдена бронзовая икона прекрасной работы с рельефным изображением святых Кира, Лукиллиана (рядом был третий святой - Иоанникий, но его изображение не сохранилось, только имя) (Колесникова 1978: 169-170, приложение, рис. 10-12).

После пожара XIII в. храм был восстановлен прихожанами иного этнического происхождения, скорее всего, славянами, оставившими о себе красноречивую память. Так, в наосе храма среди костяков верхнего ряда могилы № 6 находилась серебряная серьга с ажурной бусиной (Рис. 1/3) (Колесникова 1978: 162, рис. 2). Украшения с такими бусинами не редки у восточных славян, но чаще всего они встречаются на Волини в XII-XIII вв. (Седов 1982: 200).

В могиле № 7, тоже в верхнем слое костяков, были встречены два нательных крестика, один из них бронзовый, с выступающими уголками у средокрестия (Рис. 1/4, инв. № 36588/557). Аналогичный тельник XII в. известен в Старой Рязани среди находок 1970-1978 годов (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 13). Авторы отмечают, что крестики такого типа имели широкое распространение на Руси (Даркевич, Пуцко 1981: 225-226). Второй крест - так называемый «корсунчик» из серого шифера (Рис. 1/5). У него утрачены металлические колпачки (наконечники), бывшие когда-то на 4-х концах ветвей. Под плитами пола наоса близ апсиды был найден еще один «корсунчик» из красного полированного камня с серебряными колпачками на трех ветвях (четвертая утрачена). В соседнем с храмом доме (помещение 46-48) оказались еще два «корсунчика» из темного и светлого серого шифера, у обоих не сохранились металлические наконечники (Колесникова 1978: 161, рис. 1).

«Корсунчики» часто встречаются на Руси. Например, в одном из кладов Старой Рязани, собранном на вспаханном поле в 1968-1973 годах, их оказалось 4 экземпляра (Даркевич, Монгайт 1978: 75, табл. XVI, 4-7). Авторы, опубликовавшие этот клад, считают, что каменные «корсунчики» привезены из Крыма, а на Руси их снабжали серебряными оковками (Даркевич, Монгайт 1978: 7). Воз-

можно, так это и было. Херсон, например, ввозил из Малой Азии (Анатолийского побережья) порфир, брекчии зеленого цвета с черными и светло-зелеными включениями (змеевик) для мозаичных полов и небольших архитектурных деталей.

Самой убедительной находкой в «храме с аркосолиями», свидетельствующей о его принадлежности славянам, является створка черного энколпиона с рельефным Распятием из могилы № 3 в притворе (Колесникова 1978: 162, 166, рис. 5а). Энколпий был, очевидно, очень долго в употреблении: его сохранившаяся половинка очень потерта и имела сквозное отверстие, пробитое прямо в центре изображения архангела в верхней ветви креста. Оно, вероятно, было сделано тогда, когда энколпий перестал служить вместилищем мощей, а его одна из его створок была превращена в обычный крест. Идентичный энколпион найден в Новгороде в слое рубежа XI-XII вв. (Седова 1959: 234, рис. 3, 13). Совпадают даже имена Георгий и Иоанн, последний читается слева направо, как и на херсонском экземпляре. Надписи сделаны гравировкой на кириллице и, кажется, очень неумелым мастером. При изготовлении матрицы энколпиона места для всех надписей не были предусмотрены, кроме двух: МРОУ под рукой Христа на левой ветви креста и ЪИАОН на правой. Для имени Георгия места не было вовсе, и оно было прочерчено над головой Христа странным образом: слева от головы ГЄ, а справа - РО с буквами, переставленными местами. Под ними буква Г, выше всей этой группы букв начертан знак, похожий на ять.

В могиле № 9 в наосе под аркосолием оказались обрывки удивительной шелковой ткани, украшенной парчовыми прямоугольниками с изображением фантастических животных, птиц и различных орнаментов (Колесникова 1978: 167, рис. 6; Колесникова 2005: 78-86).

В историко-археологических исследованиях часто возникает ситуация, когда успехи в одной области усиливают внимание к белым пятнам другой. При современной изученности культуры народов Восточной Европы нельзя было не заметить сходство отдельных предметов, найденных в Херсоне, с восточноевропейскими. На некоторые из них обратила внимание Н.В. Пятышева (1982: 50), но все вместе они никогда не публиковались. Несмотря на малочисленность этих артефактов, их путь от места происхождения (или основного распространения) до Херсона вписывается в систему связей, сложившихся в Восточной Европе в VI-XII вв. Четыре большие водные магистрали Восточной Европы: Днепр-Волга-Ока-Дон с при-

токами - сводили торговцев самых разных стран в центры торга. Херсон был одним из них, не самым крупным, но очень важным для многих участников международной торговли.

Временем расцвета блестящей культуры Приднепровья был период VI-VIII вв., перешедший затем в Киевскую Русь. Вторым центром культурных достижений стало Приильменье, где в IX-X вв. возвысился Новгород (Греков 1953: 379).

В 1891 г. во время раскопок южного участка некрополя Херсона К.К. Косцюшко-Валюжинич открыл погребение № 3 с труположениями и трупосожжением. Гробница была разграблена еще в древности. Урны были разбиты, но все же осталось много вещей, в том числе и золотых. Среди инвентаря могилы выделяются две треугольные бронзовые ажурные пластины с красной эмалью (Рис. 1/6) (ОАК за 1891 г. 1893: 138-140; пластины хранятся в Государственном Эрмитаже, инв. № X.7а). Несколько таких пластин являлись звеньями нагрудного украшения, характерного для культуры балтов IV-VI вв. (Седов 1982: 44-45). Но распространены они были от Прибалтики до Волго-Окского бассейна и Среднего Приднепровья (Седов 1982: 85).

Есть в Херсоне еще одна вещь из набора украшений древних балтов IV-VI вв. - треугольная подвеска с кружками по углам (Рис. 1/7). Эмаль, которая заполняла когда-то треугольник и кружки, была, очевидно, красной, но выкрошилась, так же как и в ажурных треугольниках. Треугольные подвески были широко распространены, особенно на территории от Киева до Чернигова, Харькова и Белгорода (Седов 1982: 80).

В XI в. эмальерное дело возникло в Киеве (Шальм 1968: 113). Возможно, оттуда попали в Херсон, где не было своего эмальерного ремесла, несколько изделий, украшенных красной эмалью. Два маленьких предмета с эмалью найдены Г.Д. Беловым на Северном берегу Херсонесского городища в 1931 и 1941 гг. Один из них - бронзовый литой крестик (1,7x1,5 см) с прямоугольным средокрестием, в центре которого сохранился квадрат красной эмали (Рис. 1/8). На оборотной стороне он имеет коротенький острый штырек - гвоздик, очевидно, для крепления на каком-то твердом основании (возможно, на книжном переплете). Вторая находка Г.Д. Белова представляет собой фрагмент бронзовой пластинки (1,8x1,4 см) с рельефным изображением букrania, на морде которого пятно красной эмали (Рис. 1/9) (Архив НЗХТ. Дело 323: 17). И, наконец, бронзовый литой крестик (выс. 4 см, инв. № 5252), очевидно, из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. На

ветвях и средокрестии крестика - красная эмаль (Рис. 1/10). Нижняя ветвь креста расширена по вертикали и в глубину, вероятно, для крепления на головном уборе священника высокого духовного сана - митре или клобуке.

Среди множества пряжек, найденных в Херсоне, есть две, которые, очевидно, происходят из Киева (Кирилович, Орлов 1985: 72, рис. 3, 8, 9). Обе пряжки изданы А.Л. Якобсоном (Якобсон 1964: 18, рис. 1, 20, 23). Одна из них трапециевидная с гравированными «глазками» (Рис. 1/11), другая – лировидная с плоским кольцом, украшенным поперечными насечками (Рис. 1/12). Лировидные пряжки были весьма распространены в Восточной Европе в XI-XII вв.: в Новгороде (Седова 1981: 144), Волго-Клязменском междуречье, в курганах Петербурга (Седов 1982: 223), Прикамья (Курганы ... 1896: табл. XV, 21) и т.д.

В прикладном искусстве восточных славян часто встречается мотив молодого ростка-криня, символизировавшего рождение жизненной силы женщины. Они включались в ожерелья в виде подвесок (История культуры ... 1951: 415). В Херсоне имеются две пряжки и щиток, которые оформлены в виде криня (Рис. 1/13, инв. № 4046) (Якобсон 1964: 276, рис. 139, 16).

К перечисленным выше материалам, происходящим из Приднепровья, следует добавить своеобразную бронзовую подвеску (Рис. 1/14), аналогичную найденной И.И. Ляпушкиным в бассейне р. Пселл и датирующейся XI-XII вв. (Ляпушкин 1950: 72, рис. 10), а также массивные бронзовые бляхи от ременного конского набора (Рис. 1/15 а, б), которые Б.Н. и В.Н. Ханенко считали славянскими (1902: табл. XV, 485). Обе бляхи из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Фототека НЗХТ, пл. XXX, 338, пл. СХІХ (внизу справа)).

Остановимся еще на нескольких примерах, свидетельствующих о связях Херсона с населением Западных и Юго-Западных районов Киевской Руси. В основном это украшения, например, большие височные кольца с полой биконической бусиной (Рис. 1/16). В Херсоне их найдено 4 экземпляра: две парные медные из могилы в храме «Е», раскопанном в 1964 г. в Портовом районе (Архив НЗХТ. Дело 1160: 142–144) и две электроновые, найденные врозь: одна - на глубине 1,5 м на акрополе города (Тахтай 1947: 131, рис. 62 б), вторая представляет собой случайную находку на городище (инв. № 36558/18). В.В. Седов датирует такие кольца X-XII вв. и считает их принадлежностью хорватов и тиверцов (1982: табл. XXXI). Такие украшения встречаются и у кочевников, но С.А. Плетнева считает, что они поступали из Руси

и датирует их XI-XII вв. (1958: 170, 179). Есть они и в Болгарии, так же как и серьги пасторского типа (Kobareluh 1975: сл. 4; сл. 1). В Херсоне есть две серьги пасторского типа X-XII вв. (инв. № 6098) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 472, пл. XIX, 13). А.И. Айбабин датирует такие серьги VI-XI вв. (1973: 62 сл).

К этой же группе относится медная, так называемая «кудрявая», серьга (Рис. 1/17, инв. № 1990). Аналогичные серьги встречаются у мадьяр Венгрии, где они датируются VII в. (Eisner Jan 1960: 205, рис. 7), в Болгарии их датируют VII-XI вв. (Kobareluh 1975: 6), в Новгороде - XII-XIV вв. (Седова 1981: 16); по мнению А.В. Успенской, на Русь они попадали из Венгрии (1967: 20, 35).

Ажурная бусина из серебра найдена на Северном участке Херсонесского городища в кладовой дома XII-XIII вв., погибшего от пожара (Рис. 1/18, инв. № 35859/40) (Архив НЗХТ. Дело 347: 87-88, 105). Точно такая же найдена в Райковецком городище и датируется там XI - первой половиной XIII в. (Гончаров 1950: 109, табл. XVIII, 1,6). Аналогичные бусины, только меньшего размера, украшали височные кольца волинян (Седов 1982: 200), встречаются они и у болгар (Kobareluh 1975: сл. 4). В Херсоне найдены три золотые височные кольца с такими же бусинами в гробнице № 193 (Архив НЗХТ. Дело 48, вед. 16: № 17; фототека НЗХТ, № 504). Весь набор украшений из этой гробницы, скорее всего, является славянским, о чем свидетельствуют не только височные кольца с ажурными бусинами, но и еще большое количество разнообразных колец. Особенно много колец с несомкнутыми концами, что очень характерно для славянских украшений (Кудь 1914: 6, табл. II, 1, 3, 6; VIII, 1, 2). Здесь же был нательный крестик с круглым средокрестием и тонкими ветвями, заканчивающимися шариками. У крестика нет верхней ветви с петлей, кажется, она отломана намеренно, т.к. сохранность крестика хорошая, судя по снимку.

И, наконец, бронзовое кольцо-крючок, украшенный головой лошади, очевидно, от конской сбруи, из славянского могильника X-XI вв., открытого Пруто-Днестровской экспедицией. Точно такой же есть в Херсоне (Рис. 1,19). Крючки с лошадиной головой часты в балтийских и прибалтийско-финских (Седова 1981: 151) и в болгарских древностях (Халиков 1973: 90).

Из Киевской Руси, в основном из Среднего Поднепровья, ввозили в Херсон оружие, изделия бронзолитейного и ювелирного ремесла, шифер и изделия из него. Но в верхней части пути: Днепр – Западная Двина - Варяжное море - была иная кар-

тина. Оттуда поступали в Херсон только мелкие бронзовые изделия, которые не являются предметами торговли и говорят лишь о передвижении по этому пути каких-то людей по разным причинам. Это бронзовая тоненькая штампованная рамочка прямоугольной формы (Рис. 1/20, инв. № 5576) из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Фототека НЗХТ, № 474, пл. XXIV, 196). Такая же есть в Гнездово (Сизов 1902: табл. II) и Бирке (Булкин, Лебедев 1974: 15). В Херсоне найдена бронзовая литая бляшка с изображением пчелы (Рис. 1/21, инв. № 6098) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 472, пл. XIX, 28), точно такая же происходит из Гнездово (Сизов 1902: табл. V, 2; XIII, 1).

Во второй половине X в. упало значение пути Западная Двина - Днепр, но возросла роль восточного: Варяжное море – Волхов – Ловать - Днепр. В IX-XI вв. Новгород вытесняет из Биармии (Северо-Восточные земли Восточной Европы), богатой пушниной, болгар и скандинавов. Затем в XI - первой половине XIII в. устанавливает связи с югом. В 1889 г. в Северном квартале Херсона К.К. Косцюшко-Валюжинич раскопал дом, погибший от пожара в XIII-XIV вв. Там оказалось: 12 гривен серебра новгородского типа в виде палочек длиной 18,5 см, вес каждой 190,5 г. Вероятно, этот дом был лавкой торговца. В нем помимо гривен было много изделий из железа: ставник церковный, 5 обломков якорей, 3 сошника, 7 кольчуг, превратившихся в комки из-за ржавчины и огня, 147 бронзовых рыболовных крючка и много других металлических изделий в обломках (ОАК за 1889 г.: 14).

Кольчуга в виде сплошной массы из-за коррозии металла найдена была в 1951 г. Г.Д. Беловым в том же слое X в., где находился наконечник ножен меча (Белов 1955: 276, 227, рис. 19), аналогичный киевскому из княжеского погребения XI в. (Каргер 1940: 12-20, рис. 4-5).

Русь славилась своими бронниками (История культуры... 1948: 324). Кольчугой защищались войны многих армий, и русской в том числе. Кажется, она не была принята в Византии. Лев Диакон в своей "Истории", посвященной событиям 959-976 годов, каждый раз отмечал, что россы ("скифы", "тавро-скифы") защищены "кольчужной броней", в отличие от византийских воинов, "покрытых железными латами" (Лев Диакон Калойский 1820: 36, 67, 87, 89, 93, 95). В искусстве Византии воины изображены исключительно в пластинчатых панцирях.

В 1963 г. в Портовом районе Херсона в слое XIII-XIV вв. был найден фрагмент пластинчато-

го доспеха, который отличался от обычных для Херсона панцирей: из вертикально удлиненных пластин с округлым нижним краем. Он удлинен не по вертикали, а по горизонтали, а нижний край его заканчивается тремя фестонами (Рис. 1/22) (Архив НЗХТ. Дело 1449/1: 14; фонды ГХИАЗ, коллекционная опись 36732/11). Аналогичный имеется в Новгороде, где датируется рубежом XII-XIII вв. (Труды Новгородской археологической экспедиции 1959: 179, рис. 18, 2).

Среди херсонских материалов есть еще несколько мелких вещей, аналогичных новгородским, например, серебряный перстень с круглой вставкой в центре (она утрачена) (Рис. 1/23) из раскопок Р.Х. Лепера (Фототека № 1466) (Седова 1981: 140, рис. 54, 6). В реконструкции Н.В. Хвоцинской женской одежды с украшениями (по материалам восточного побережья Чудского озера (1976: 19, рис. 1)) есть перстень, аналогии которому имеются в Херсоне. Найдены они в 1909 г. дважды на южном некрополе у Карантинной бухты: в склепе "А" и погребении № 42 (Рис. 1/24) (Архив НЗХТ. Дело 102: 68, № 4286; 76, № 4767). Перстни плоские, из серебра, нестандартной формы и встречены в Херсоне впервые (инв. №№ 18605 и 18988). Очевидно, из новгородской земли попала в Херсон подвеска-крючок, оба конца которого заканчивались лошадиными головами (сохранилась только одна) (Рис. 1/25); такие крючки-подвески часты в древностях XI-XIII вв. балтийских и прибалтийских финнов (в Херсоне - случайная находка в юго-восточной части городища; в Новгороде см. Седов 1981: 151, рис. 59, 9) и землях, прилегающих к ним, например, смоленско-полоцких кривичей (Седов 1982: 224, табл. L, 20); а также две серебряные булавки с нагрудной цепочкой для скрепления легкого плаща или наплечной накидки (Рис. 1/26, инв. № 37041/203). В Новгороде есть очень похожая булавка XI - начала XIV в. - деталь одежды, характерная для населения Северной Руси и Прибалтики (Седова 1981: 76-77; Седов 1968: 156).

В VIII-XIII вв. у многих народов Восточной Европы любимыми украшениями-амулетами были привески. Они были разные по значению и смыслу: многочисленные шумящие привески, колокольчики, гусиные лапки, маленькие гирьки и т.д. Их носили на шнурках, цепочках у пояса, у груди, на головных венчиках и шейных гривнах. В 1903 г., раскапывая акрополь Херсона, К.К. Косцюшко-Валюжинич нашел бронзовый амулет-топорик (Рис. 2/1, инв. № 5937) (1905: 73; фототека НЗХТ, № 451, пл. СII, 3). Подобные, по мнению В.П. Даркевича, являются знаками Перуна (1961:

91, рис. 2, 7). В X-XIII вв. они были распространены в Северной и Восточной Европе: Прибалтике, Новгороде, Ленинградской обл., Волго-Окском бассейне, Среднем Поднепровье, в русском слое Саркела и т.д. В это же время и примерно в этих же районах были в моде коньковые привески. В.В. Седов считает, что их появление связано с балтийским субстратом славянско-полоцких кривичей (Седов 1968: 151 сл.). В Херсоне есть такая же одна привеска - плоский бронзовый конек (Рис. 2/2, инв. № 36445/104) из раскопок Г.Д. Белова в 1956 г. на Северном берегу Херсона. Найден он в верхнем мусорном слое (Архив НЗХТ. Дело 788/І: 6; Дело 728/ІІ: 10, рис. 16, 3). В материалах Херсона есть фрагмент рамки с парными лошадиными головами по сторонам верхних выступов (обе головы утрачены) и шестью отверстиями внизу для лапчатых подвесок (Рис. 2/3) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 449, пл. СХІV, 26). Привески и гребни с парными лошадиными головами были характерны для культуры угро-финнов, особенно много найдено их в земле мерян, распространены они были и у славян (Круглова 1971: 267-268).

В конце XI - XII в. на Руси, Северо-Западной и Северо-Восточной Европе у женщин были в моде плоские бронзовые крестообразные привески "скандинавского" типа размером от 2 до 6 см. Они найдены в Скандинавских странах, на юге Прибалтики, Волго-Окском бассейне, Киеве, Белой Веже, но более всего в верховье Днепра и Сожа (Фехнер 1968: 210-216). В материалах Херсона имеются две такие подвески - большая, выс. 5 см (Рис. 2/4, см. инв. № 3030), и маленькая, выс. 2,1 см (Рис. 2/5, инв. № 5281) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, пл. СХІV, 5; LXXXI, 3). У маленькой нет нижней ветви, она обломана намеренно, это видно по излому металла - он еще достаточно крепкий, а облом ровный. Обеим подвескам есть аналогии во владимирской земле: большая найдена в кургане 211, а маленькая - в кургане 212 (Спицын 1905: 143). Херсонская маленькая идентична владимирской из кургана 212, впечатление такое, что они отлиты в одной форме и, как и херсонская, не имеет нижней ветви.

В курганах XII-XIII вв. с женскими захоронениями повсеместно в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси встречаются круглые кресто-включенные привески к ожерелью (Успенская 1967: 108; Рябинин 1986: 135, табл. IV, 10, 11). В Херсоне найдено несколько таких привесок (Рис. 2/6 а, б, инв. № 5282), три из которых изданы в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1894, 1895

и 1896 годы (Фототека НЗХТ, № 419, пл. СХVІ, 24, 25) (ОАК за 1894 г.: 56; ОАК за 1895 г.: 89; ОАК за 1896 г.: 167).

Следующая привеска - бронзовая литая в виде стержня, расширяющегося книзу или заканчивающегося трилистником, с двумя выступающими круглыми петлями по бокам в верхней части (Рис. 2/7) (Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 481, пл. СХVІV, 14). Аналогичные есть во Владимире, костромских, калужских курганах и в Прикамье (Спицын 1905: 143; Рябинин 1986: 135, табл. IV, 36; Спицын 1902: табл. СХХІV).

С пряжками примерно такая же картина: одинаковые встречаются часто, но некоторые виды сосредоточены в одном из регионов Северо-Западной и Северо-Восточной Европы. Так, в Херсоне имеются три лировидные пряжки с головами птицы (Рис. 2/8) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 506 (первый и второй ряды); № 445, пл. ХХ, 31, 32). Три лировидные пряжки с ярко выраженными головами птицы найдены в Гнездово (Сизов 1902: табл. II, 21, 22).

Есть еще одна пряжка, нехарактерная для материальной культуры Херсона: бронзовая прямоугольная с железной иглой-язычком (Рис. 2/9) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 5629, пл. СХVІV, второй ряд сверху). Подобные пряжки встречаются в курганах Петербурга, Твери, Минска, Чернигова, Новгорода (Седов 1982: 144), но в основном они сосредоточены во владимирских курганах X-XI вв.

В 1901 г. во время раскопок херсонесского некрополя у Карантинной бухты К.К. Косцюшко-Валюжинич открыл склеп № 1095 (1902: 103-104, рис. 47; фототека НЗХТ, пл. СХХІ, 5, 6, 15), в котором погребали, судя по монетам, со II по X в. Из материала склепа ясно, что после IV в. в нем долгое время никого не хоронили, а несколько столетий спустя использовали вторично. В отчете К.К. Косцюшко-Валюжинич пишет: в гробнице "найденное огромное, никогда ранее не встречающееся количество остовов, расположенных слоями; она может быть названа братской могилой...". Склеп был богат античным материалом и беден средневековым: два нательных крестика, бронзовые браслеты, перстни, пряжки и "часть кистеобразного украшения от сбруи, состоявшего из трубочек туго скрученной спирали из бронзовой проволоки, имеющих вид отдельных колечек, нанизанных на ремешке... между трубочками помещались стеклянные пронизи в виде 14-гранников" (Рис. 2/10, инв. № 2331). Пронизь (сохранилась одна) из синего стекла с двуцветным глазком: в

центре - синий с красной обводкой. Кроме того, здесь же оказалось несколько бронзовых вещей: пряжки, пластинка с ушком для подвешивания (возможно, к конской сбруе) и колокольчик. Вероятно, в склепе хоронили тех, кто временно проживал в городе и не имел гражданства.

Кистеобразное украшение характерно для материальной культуры мордвы, населяющей в VIII-XI вв. берега правых притоков Оки в ее среднем течении. Особенно интересны материалы Лядинского и Томниковского могильников на среднем течении р. Цна. Здесь найдены кистеобразные украшения, состоящие из нескольких шнурков (ремешков) с нанизанными на них спиральками, пронизями из цветного стекла, раковинами, подвесками в виде лунниц или монетовидными привесками из серебра (Лядинский и Томниковский могильники ... 1893: табл. VII, 2, 3; IV, 10; Материальная культура ... 1969: 97, 131). В материалах Херсона имеются отдельные бронзовые спиральки (Косцюшко-Валюжинич 1906: 48) и очень тонкие серебряные привески в виде монет без изображений (Рис. 2/11, инв. № 2344, 2357, 2365) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, пл. СХХI, 9, 10, 47, 49), характерные для костюма вятичей X-XI вв. (Успенская 1967: 110).

В украшениях мордвы есть еще необычная привеска в виде гвоздика, его центральный стержень имеет внизу шляпку, от которой вверх спирально накручена толстая проволока, заканчивающаяся петлей. Такие были в Лядинском и Томниковском могильниках (Лядинский и Томниковский могильники ... 1893: табл. III, XIII, 2) и один найден в Херсоне (Рис. 2/12, инв. №5937), из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Фототека НЗХТ, № 451, пл. СII, 32). В материальной культуре мордвы есть еще одна оригинальная поясная серебряная привеска в виде рога (Жиганов 1961: 158-178; Лядинский и Томниковский могильники... 1893: табл. XIV, 7). Такая же серебряная привеска имеется и в Херсоне, очевидно, из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Рис. 2/13). Аналогичные встречаются в Прикамье в могильниках V-VIII вв. харинско-ломоватовского типа (Горюнова 1961: 237).

В Херсоне есть еще несколько вещей, аналогичных мордовским, например, серебряный ромбический (лапчатый) перстень (Рис. 2/14, инв. № 2950), как и в мордовском Перемчалкинском могильнике VII-XII вв., и в Старой Ладоге (Алиханова 1948: 206, рис. 6, 8; Петренко 1984: 88). Серебряной поясной бляшке из Лядинского могильника на средней Цне (Лядинский и Томниковский могильники... 1893: 12, 44) близка бляш-

ка из Херсона (Рис. 2/15, инв. № 37041/197).

Как видим, в материалах Херсона немало аналогий встречается в культуре мордвы. Наблюдая жизнь мордвы, И.Н. Смирнов писал: "В том виде, какой понарь имеет у эрзянок, он чрезвычайно близок византийскому мужскому одеянию, которые называют далматином, дивитисием или саком."

Тому, что формы былой мужской одежды уцелели в женской, не приходится удивляться. Сутуг является в настоящее время принадлежностью женского мордовского костюма, между тем в XII в. он украшал вместе с гривнами и браслетами мужчин...

Бассейн Цна-Мокша-Ока с первых веков нашей эры находился в торговых сношениях с греческим югом... Кое-что из принадлежностей своего костюма мордва могла получить прямо от торговцев-греков" (1894: 414-415).

О размерах этой торговли свидетельствуют 14 золотых византийских монет VII в., из них 12 (632-641 и 668-685 гг.) были набиты на ременной повод, находившийся в погребении с трупосожжением у с. Серповое на р. Цна, и две с дырочками (670-680 гг.) найдены на берегу этой же реки (Кропоткин 1965: № 125, 126).

Какими путями осуществлялась связь мордвы с греками? В свое время А.Л. Монгайт отметил значение окского пути в международной торговле, который связывал Булгар на Волге с Киевом на Днепре (Монгайт 1955: 90, 96). Булгар был важнейшими воротами, через которые шла торговля с Востоком. Греки достигали этот район не только по Волге и далее по Оке, но знали они и более короткий путь: Дон - р. Проня - Ока. Черноморско-Донской путь был хорошо известен византийцам (Византийские очерки 1966: карта на с. 8-9).

Но Лядинский и Томниковский могильники и могильник у с. Серповое находятся на р. Цна и жители мордовской земли ходили на юг, по-видимому, более коротким путем: р. Цна - Савала - Хопер - Дон и далее - Херсон. Весь материал, найденный в Херсоне, говорит о том, что не херсонские купцы ходили в мордву, а наоборот, отсюда в Причерноморье везли пушнину (в основном), воск и мед, так же как и из Прикамья. В Херсоне найдены предметы, характерные для материальной культуры "камской чуды". Некоторые из них абсолютно идентичны, создается впечатление, что они происходят из одной формы, как, например, бронзовая бляшка (Рис. 2/16) (Спицын 1902: табл. XXXIII, 30). Бронзовые рукоятки огнива, украшенные двумя медвежьими головами, аналогичные херсонской (Рис. 2/17), были широ-

ко распространены на Севере Европы. Но, по наблюдениям Л.А. Голубевой, “своим появлением на свет они обязаны металлургии Прикамья” (Голубева 1964: 131-132). В Прикамье и в верховье р. Вятки, где их было встречено больше всего, Л.А. Голубева датирует эти находки концом IX - началом XI в.

Среди материалов “камской чуди”, опубликованных А.А. Спицыным, есть прямоугольная рамочка для подвешивания различных амулетов, включая и шумящие (1902: табл. XXXII, 10). Фрагмент аналогичной рамочки найден в Херсоне (Рис. 2/18).

Возможно, из Прикамья в Херсон попала массивная, четырехгранная в сечении, бронзовая булавка, предназначавшаяся, очевидно, для скрепления одежды (плаща, накидки) из толстой ткани или меха. Булавка украшена лошадиной головой (Рис. 2/19 а, б). Аналогичные, квадратные в сечении, бронзовые булавки и копоушки с двумя лошадиными головами X-XIV вв. встречаются в Прикамье (Спицын 1902: табл. XLVI).

В VII-XII вв. среди финских племен меря, весь, мари, мурома и родственных им финно-угорских народов Прикамья и Вятки любимы были различные шумящие привески: коньковые, лапчатые, колокольчики, пластинки разных форм, птички и привески в виде литых бронзовых гирек с петлей-ушком, похожие на сферические пуговицы (Голубева 1966: 98; Халиков, Безухов 1960; Шальм, Фехнер 1967: 138-139). Последних очень много в Херсоне (Рис. 2/20 а, б, г) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 460, пл. CV).

У этих народов были очень популярные привески-птички (утка и гусь до сих пор являются у них объектами поклонения), а самыми любимыми шумящими привесками были лапки водоплавающих птиц. У меря для крепления лапчатых привесок часто служило изображение плоской бронзовой утицы, которые археологи находят в курганах близ Костромы (Материалы по археологии ... 1899: табл. LI). В 1904 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич нашел в Херсоне фрагмент такой утицы с лапчатой подвеской, укрепленной на одном восьмеркообразном звене (Рис. 2/21) (1906: 48). По мнению А.А. Голубевой, такие привески с восьмеркообразными звеньями датируются VIII-IX вв., в конце IX в. они исчезают и повсеместно заменяются длинными цепочками с обычными звеньями (1966: 98).

Следует указать на еще одну находку в Херсоне: две плоские бронзовые звенящие пластины - одна высотой 5 см (Рис. 2/22 а), а другая - 2,5

см (Рис. 2/22 б) (очевидно, из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича). Такие звенящие пластины известны в Прикамье (Спицын 1902: табл. XXIV, 15; Талицкий 1951: 60) и есть они в материалах мордвы (Материальная культура ... 1969: 141).

Начиная с VII в., в районы среднего Поволжья и Нижнего Прикамья с юга проникают орды болгар, а в X в. здесь сложилось государство Волжская Булгария. Появление на земле предков мордвы, мари, удмуртов, тюркоязычных болгар сказалось на культуре этого района. Так, в Танкеевском могильнике найден серебряный ромбический (лапчатый) перстень IX-X вв. с сердоликовой вставкой с надписью: “Во имя Аллаха” (Казаков 1985: 178 сл., рис. 4 на с. 182). Такие же перстни, как говорилось выше, есть у мордвы и в Херсоне. Кроме того, в Булгарах найдена каменная форма для отливки круглой подвески (Смирнов 1951: 121-122, табл. III, 65, 66), а в Херсоне – сама свинцовая подвеска (Рис. 3/1) (из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, пл. CXXI (между номерами 32 и 33)) с небольшой разницей в рисунке. Кроме того, в Херсоне имеются два обломка бронзовых зеркал (Рис. 3/2 а, б); такие же зеркала найдены в Булгарах (Новом Сарае) XIII-XIV вв. и в Больше-Тарханском могильнике (Генинг, Халиков 1964: табл. XIV). Они часты в материалах салтово-маяцкой культуры (Мерперт 1951: 24, рис. 2) и в памятниках поздних кочевников (Федоров-Давыдов 1966: 79, рис. 13, ЕI, ЕII, CI).

В 1903 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем была найдена литая бронзовая обнаженная и очень изуродованная статуэтка, изображавшая женскую фигурку с намеренно удаленными руками до плеч и ногами до колен (Рис. 3/4). На месте рта пробита дыра после того, как статуэтка была отлита. У рта слева видна рельефная голова зверя с разинутой зубастой пастью, рядом толстый хвост, а справа у рта - лапа (?), на голове - высокий остроконечный колпак (Косцюшко-Валюжинич 1905: 62, рис. 21). А.А. Спицын считал, что статуэтки такого типа принадлежали печенегам или половцам, с которыми Херсон имел контакты (Спицын 1909: 142 сл., 149, рис. 6). По мнению А.Х. Халикова, так как статуэтки “уродцев” находят преимущественно в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, их следует увязывать с распространением в крае тюркоязычных племен и с периодом формирования здесь первого на Северо-Востоке Европы государственного образования - Волжской Булгарии - и датировать их не позднее IX-X вв. (Халиков 1971: 106-117, 109). Скорее всего, в Херсон статуэтка-«уродец» попала из Булгар, о связях с которым свидетельствуют

перечисленные выше предметы.

В течение XI–XII вв. население лесной зоны Восточной Европы постепенно меняет свою языческую веру на веру в единого бога Христа, что и отразилось на их материальной культуре. В погребениях стали появляться нательные крестики, многие из которых повторяют форму херсонских. В Северо-Восточной Руси и в Поднепровье широко распространились маленькие крестики-тельники с квадратным средокрестием, шариками и полушариками на концах ветвей. Они найдены в курганах Петербурга (Курганы Санкт-Петербургской губернии ... 1896: табл. V, 5) на Белом озере, которые Л.А. Голубева датирует X–XII вв. (1963: 53–77, рис. на с. 71), в Костромском Поволжье (Рябинин 1986: 75, табл. IV, 31 на с. 135), в курганах Владимира (Спицын 1905: 143) и Подмосковья (Беленькая 1974: 88–98), где датируются второй половиной XII в., а также в курганах Поднепровья (Ханенко, Ханенко 1899: табл. 1).

В Херсоне найдено 8 таких крестиков: 7 бронзовых (Рис. 3/5 а-в) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, пл. CLXVI, 2–6; № 516, 10) и один серебряный без верхней ветви, которая утрачена не из-за ветхости металла, а отломана намеренно (Рис. 3/5а, инв. № 5282). Крестик-тельник с намеренно отломанной ветвью (верхней или нижней) в собрании НЗХТ не один (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 418, 2-4, 9, 24, 25; 481, 15).

У многих народов Сибири, угро-финнов Приладожья был обычай класть в могилу не целую вещь, а половину ее или часть – действие, символизирующее утрату близкого (Соломина 1984: 97–98).

В Серенске в слое пожара 1238 г. оказалась форма для отливки крестиков-тельников с квадратным средокрестием и с шариками на концах ветвей (Никольская 1974: 40–46, рис. 1, 7, 8 43). Т.Н. Никольская предполагает, что такие отливочные формы появились в Серенске, Киеве, Новгороде и на р. Протва в конце XII в. В серенской матрице отливали крестики-тельники еще одного типа - с растительными концами в виде трилистника. Такого же типа крестики имеются и в Херсоне (Рис. 3/6 а, б), один из них (инв. № 5282) не имеет верхней ветви (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, 8, 11).

Но более всего аналогий херсонским крестикам мы находим в Старой Рязани в материалах раскопок 1970–1978 гг., проводимых В.П. Даркевичем. Там найдены: крестик-тельник с растительными концами, а также круглоконечный крестик (или крестовидная подвеска?) (Даркевич, Пуцко

1981: 220, рис. 2, 9, 2), аналогичный херсонесской находке (Рис. 3/7, инв. № 5281) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 418, пл. LXXXI, 2). Как в Херсоне (Рис. 3/8, инв. № 5282) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, пл. CLXVI, 13), так и в Старой Рязани встречены крестики с профилированной нижней ветвью (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 7, 5), крестики-тельники с имитацией зерни (Рис. 3/9, инв. № 5282) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, пл. CLXVI, 7) (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 5), тельники с круглым “медальоном” в середине, округлыми концами ветвей и парными выступами у каждого из них (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, пл. CLXVI, 15) (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 3), совершенно одинаковые крестики-тельники с характерными выступающими прямоугольными уголками у средокрестия (Рис. 1/4) (Колесникова 1978: 160–172; Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 13).

Среди археологического материала Херсона-Корсуня много аналогий в памятниках материальной культуры племен, населяющих территорию от Прибалтики на Западе до Булгар на Востоке, от Верхнего Прикамья и Приладожья на Севере до притоков Дона и Приднепровья на Юге.

Весь материал из этих районов делится на две группы: одна большая относится к периоду преимущественно языческих верований, другая - ко времени принятия здесь христианства (XI - первая половина XIII в.). Некоторые предметы, как уже отмечалось, не просто схожи, а абсолютно идентичны, как, например, овальная бляшка из Прикамья (в Херсоне – Рис. 2/16), крестовидная подвеска из кургана 212 у Владимира (в Херсоне - Рис. 2/5). Кроме того, из этих же районов схожи и многие нательные крестики с квадратным средокрестием и круглыми концами ветвей (в Херсоне - Рис. 3/5 а-в) и т.д. Чем объяснить эти находки в Херсоне? В Северных районах Восточной Европы ничего специфического херсонского не найдено, кроме одной бронзовой херсоно-византийской монеты Льва и Александра (886–912 гг.) во Владимире (Кропоткин 1965: 169).

Появление же русских в Херсоне, как сказано выше, А.Л. Якобсон объяснял разгромом русских городов татарами в XIII в. (Якобсон 1985: 127–128; 1964: 82, 167, прим. 53). Однако вещи, несвойственные материальной культуре византийского Херсона, появились здесь еще в VIII–IX вв., а может быть еще раньше. Они происходят из Южной Прибалтики, Приильменя, Прикамья, Волго-Окского бассейна, Верхнего Поволжья и

других районов Северо-Восточной Европы. Это все места, где добывалась пушнина. Все факты: письменные документы и археологический материал – говорят о том, что торговля происходила в городах Северного Причерноморья (Кулаковский 1914: 58; Шестаков 1908: 46; Васильевский 1893: XXVIII). Напомним слова Константина Порфирородного: “Если херсониты не будут ездить в Романию и не будут продавать шкуры и воск, которые они скупают у печенегов, то не будут существовать” (1934: 44). Но чтобы существовать и иметь выгоду при продаже и обмене мехов (шкур) и воска в Византии, надо пушнину выгодно обменять (купить). Механизм такого обмена описала З.Л. Львова (1977: 108). Она считает, что самым выгодным товаром в неэквивалентном обмене были бусы. Интересно, что в легенде о взятии Киева Олегом в 882 г. (по Нестору) обманым путем злоумышленники, прикинувшись купцами, прельщали киевлян товарами: “...Имею много крупного и драгоценного бисера и всякого узорочья...” (Котляр 1986: 62). На первом месте - бисер, а ткани (узурочья) - на втором. Очевидно, это отражение действительности: на цветные бусы был большой спрос, особенно на севере, в самых лесных местах, богатых пушниной. Бусы легко перевозить, их можно было обменять на самый ценный товар, например, меха.

Оружие, энколпионы, шифер и изделия из него - это товары, привозимые в Херсон из Киева и Приднепровья. А остальные предметы, аналогии которым имеются в Северо-Западных и Северо-Восточных районах Восточной Европы, не являлись предметами торговли. Они были на людях (или с ними), пришедших в Херсон по разным делам, но, очевидно, по торговым главным образом. Некоторые оседали здесь и основывали свои торговые дома. Как, к примеру, уже упоминавшаяся лавка в Северном районе Херсона с двенадцатью серебряными гривнами новгородского типа, принадлежащая, возможно, купцу из Новгорода.

Херсон постепенно наполнялся иноземцами и становился многоэтничным городом. Таким он был уже в раннем средневековье. Сосланный в Херсон монофизитский патриарх Тимофей Элур (V в.) писал об этом городе: “...Край населенный варварами и некультурными людьми” (The Syriac Chronica known as that of Zachariah of Mitylene. IV, II, p. 79). Папа Мартин в 655 г. писал из херсонской ссылки: “...обитатели этой страны все язычники” (Шестаков 1908: 116-117). В IX в. Анастасий Библиотекарь: город заселяли “не туземцы, а пришлые из разных варварских народов” (Кулаковский 1914: 75). В этом же веке Федор Студит:

“...Это чужая страна” (Якобсон 1970: 164).

Приняв христианство, жители Северной лесной зоны Восточной Европы еще долго не расставались со своими языческими обычаями. “Видим ведь игрища, на которых топчутся, и людей множество на них ... А церкви пустые стоят; когда же бывает время молитвы молящихся мало оказывается в церкви” (Повесть временных лет 1978: 185). Веротерпимость была одной из черт многоэтничного Херсона, где уже давно утвердилось ортодоксальное христианство. Например, в пустующих частях перестроенной базилики 1935 г. было устроено кладбище, стенки многих могил которого были обложены досками от стенок мраморных саркофагов римского времени. Интересно, что в могиле № 6 два фрагмента таких досок с рельефным изображением персонажей античной мифологии (многие из которых обнажены) были обращены рельефами не к земляному обрезу средневековой могилы, а к погребенным (НЗХТ, инв. № 36, 36а/35645) (Белов 1938: 49-50, рис. 27, 30; 115, рис. 74). И второй факт. На античном надгробии со сценой “загробной трапезы” между героями сюжета прочерчены кресты и христианские надписи: “Свет жизнь. Господи, помоги сему. Аминь”. Рельеф найден в 1853 г. А. Уваровым рядом с так называемой “Уваровской” базиликой (Государственный Эрмитаж, инв. № X. 1039) (Кулаковский 1896: 49, №12, рис. 21).

Херсон жил за счет торговли, поэтому был вынужден считаться с пришельцами иных вер, как это было во многих городах средневековья. В Херсоне пришельцы-двоеверцы сохранили свои обычаи, например, при погребении умершего они также клали ему в могилу вещи и пищу: посуду стеклянную и глиняную, украшения, которые были на покойнике, из пищи - рыбу; а также предметы, которые якобы связывали умершего с дневным, верхним, домом: черепицу под голову, оконное стекло или его фрагменты. Все это было в могилах храма, открытого в 1963 г. в Портовом районе Херсона (Колесникова 1978: 162, 165). Обычай класть умершему черепицу под голову или около нее был зафиксирован А.А. Якобсоном при раскопках сельских кладбищ в Юго-Западном Крыму (Якобсон 1970: 194).

В этом плане особенно любопытны метки на кровельных черепицах. Например, изображение танцующего шамана в козлиной маске и с бубном в левой руке, правая же с палочкой - поднята вверх (Якобсон 1964: 93, рис. 31). Черепица датируется XII-XIII вв. (Рис. 4/1 а). Шаманские камлания, как правило, сопровождалось возжиганием огня и шумом: ударами в бубен, звоном колокольников

или металлических пластин, которые нашивались в большом количестве на костюм шамана. Близкие изображения херсонскому есть на шаманских бубнах (Рис. 4/1 б) (Иванов 1955: 248). Сочетание огня и звона проявилось и в ставцах (ставниках) для отпугивания злых духов (Выставка ставников и подсвечников в Русском музее г. Ленинграда в 1975 году). Поэтому на ставцы навешивали железные подвески, которые, ударяясь о железо ставца, издавали звенящий звук. Такая железная подвеска в виде удлиненной капли найдена Р.Х. Лепером в цистерне близ Уваровской базилики V-X вв. (Рис. 4/2).

Изображение шамана на черепице – не единственное в памятниках Херсона. Есть еще его врезное изображение в костюме птицы на костяной рукояти IX-X вв. из раскопок Г.Д. Белова в 1969 г. в Северном районе Херсона (хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № Х. 1304) (Рис. 4/3) (Архив НЗХТ. Дело 1284: рис. 17). Метка в виде птичеловека есть и на позднесредневековой черепице Херсона (Рис. 4/4) (Якобсон 1950: 142-143, табл. 18) и такое же изображение – на поливном черепке из раскопок Н.В. Пятышевой в 1966 г. (Рис. 4/5) (Архив НЗХТ. Дело 1220/І: рис. 30, 1).

Метки на херсонских черепицах интересны своим разнообразием и неожиданным сходством с материалом весьма отдаленных от Херсона областей. Особенно удивляет сходство с некоторыми шаманскими сюжетами, например, лани на черепице IX-X вв. из Херсона (Рис. 4/6) (Якобсон 1950: 125, табл. 2, 24) и на шаманском бубне из Сибири (Иванов 1961: 76), птицы с распластанными крыльями на черепице IX-X вв. из Херсона (Рис. 4/7) (Якобсон 1964: 66, рис. 22) и шаманских изображениях Сибири (Спицын 1906: 91, № 72; 22, № 298). Среди простых знаков есть сходства с бортными знаками марийцев (Крюкова 1956: 41; Якобсон 1964: 66, рис. 22). И еще одно интересное сходство – всадник с длинным копьём и звездой (знаком солнца) на херсонской черепице XII-XIII вв. (Рис. 4/8 а) (Якобсон 1964: 93, рис. 31) и изображением на камне из Ходока (Кавказ), рядом с которым тоже знак солнца только в виде свастики (Рис. 4/8 б) (Гольштейн 1977: 197).

Не менее удивителен врезной рисунок на массивном костяном кружке из Херсона (прясло?) в виде человеческой головы без волос, но с обозначенными глазами, носом и ртом. Рядом с головой – концентрические круги, прочерченные вокруг центрального отверстия (Рис. 4/9, инв. № 32547). Аналогии этому сюжету есть в древнейших памятниках культуры Тиссы III-II тысячелетия до

н.э.: глиняная пластина с изображением богини-матери с рождающимся сыном (Амброз 1965: 14-27, рис. 3, 16); в шаманских памятниках Сибири II в. до н.э. – VIII в. н.э. и близкое им по смыслу изображение тоже из Сибири (Спицын 1906: 143, рис. 493; близкие по смыслу: рис. 63, 69, 80).

О том, что означают метки на херсонских черепицах высказывались разные мнения. Это могли быть метки хозяина мастерской, метки заказчика, метки партии черепицы. К этому можно добавить еще одно предположение о метках-оберегах. Знаки, имеющие магическое значение не только для удачного изготовления этой трудоемкой и требующей много топлива продукции, но и оберега дома заказчика.

Есть в Херсоне еще предметы, которые нельзя сразу приписать определенному региону, т.к. подобные целые или детали украшений были широко распространены на территории Восточной Европы. Например, в Херсоне найдена круглая застежка-фибула с солярным знаком в центре (Рис. 4/10) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 375, пл. XXXIV, 46). Такой же солярный знак встречается в памятниках многих народов от первобытной эпохи до позднего средневековья (Амброз 1965: 2, 1, 3 а, рис. 5, 1, 3 а, б, 4, 5). В Гнездово найдена подвеска с изображением волют и солярного знака в центре (Амброз 1965: 2, 1, 3 а, рис. 5, 7). Мотив волют часто использовался в украшениях славянских привесок (Спицын 1905: 142; Успенская 1967: 106-109; Седов 1982: 210). В Херсоне в 1898 г. найден большой бронзовый ажурный кружок с таким же изображением (Рис. 4/11) (Раскопки в Херсонесе Таврическом 1900: 119, рис. 19). Этнической пестроте Херсона соответствует наличие среди археологического материала зубов различных животных (такой амулет найден, например, в 1966 году в помещении «В» (Портовый район Херсонеса), инв. № 36728/6) и клыков кабана (Архив НЗХТ. Дело 1284: рис. 15; Дело 1220/І: рис. 17), используемых в качестве амулетов-подвесок.

Как отмечалось выше, “доказательств художественного и идеологического воздействия Херсона на Древнюю Русь” ранее выявлено не было (Корзухина 1958: 135). Известно, что в основе культуры Херсона лежала культура Византии с ее античными и восточными традициями. Такой материал превалировал в Херсоне, особенно в первой половине его средневековой жизни. Специфика культуры Херсона средневекового периода в целом исследователями не рассматривалась. Отдельные этапы в истории Херсонеса, связанные с переменами в этногеографической и исто-

рической ситуации (в том числе и в период активных связей с Русью) также остались без должной оценки.

Я полагаю, что славяне-переселенцы, приток которых стал особенно заметен в IX-X вв., пришли в Херсон со своим скарбом, необходимым для жизни на новом месте. В Херсоне найдены славянские горшки, железные трубчатые замки, калачевидные кресала (Рис. 4/12), костяные копоушки (Рис. 4/13), гребни привычных им форм. В прядении они пользовались своими шиферными пряслами, сохранили свои амулеты, украшали себя изделиями из гладкой или витой проволоки, например, браслетами (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 466, 72; 469, 36), которые были распространены на Руси (Кудь 1914: 6, табл. II, 7; 14, табл. VI, 2; 27, табл. IV, 13), такие же есть в Белой Веже (Труды Волго-Донской археологической экспедиции). В Херсоне найдено множество небольших височных колечек с несомкнутыми концами или концами, заходящими друг за друга (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, №№ 441, 6, 9, 11, 20, 23, 24; 443, 2, 4, 7, 9; 499). Эти колечки в большом количестве вплетались в косы (Кудь 1914: 6, табл. II, 1, 2, 3, 6; табл. III, 3; табл. VIII, 1, 2). Наборы маленьких перстнеобразных колец более были любимы древлянами (Косцова 1968: 33). Легкие браслетообразные проволочные височные кольца с завязанными концами носили кривичские женщины (Косцова 1968: 33; Седов 1982: 222, 225). Подобных украшений в Херсоне найдено очень много (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, №№ 352, 1-3; 465, 117-133). Из склепа № 1095 происходит височное кольцо усложненной формы, декорированное треугольными выступами (Рис. 4/14, инв. № 1804), найденное вместе с кистеобразным украшением, аналогичным мордовским (Косцюшко-Валюжинич 1902: 103-104, рис. 47; фототека НЗХТ, пл. СХХI, 5, 6, 15). Как известно, такие височные кольца являлись принадлежностью радимичей (Седов 1982: 221).

Включившись в хозяйственную жизнь города, славяне-переселенцы стали на месте изготавливать нужные им вещи традиционных форм и декора. Например, керамику на гончарном круге с волнистым орнаментом (Пятышева 1974: 64-68, рис. 1, 2) и, очевидно, часть простых проволочных украшений и медные кругло-проволочные фибулы с завязанными концами (Рис. 4/15, инв. № 1850) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 475, пл. XXI, 53). Точно такие же, но серебряные известны только в При-

ладожье (Успенская 1967: 169-170).

В Херсоне найдены заготовки двух свинцовых нательных крестиков (Рис. 4/16 а, б) (находятся в фондах НЗХТ без инвентарных номеров). Возможно, кто-то из славян пытался наладить производство изделий из металла, который для таких нужд в Херсоне не применялся. А в отчете о раскопках в Херсоне за 1903 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич писал: “часть свинцового креста простейшей формы с ушком встречается впервые” (Архив НЗХТ. Дело 48, вед. 48: № 10-27 (12)).

В славянских и финских погребениях женщин конца I - начала II тысячелетия часто встречаются головные венчики из разных материалов (Левашева 1968: 91-97). Возможно, найденные в Херсоне две узкие ленты, тканые из толстой крученой шерстяной нити, были в свое время венчиками. Сейчас эти ленты имеют грязно-коричневый цвет, но хорошо видны чередующиеся вертикальные полосы разного плетения, которые когда-то были, очевидно, цветными.

Помимо памятников материальной культуры, свидетельствующих о проживании в Херсоне-Корсуне славянского (русского) населения, есть и письменные свидетельства. Напомним известный факт, изложенный в списках Паннонского жития Константина, который в 860 г. посетил Херсон (Корсунь) и “...обрете же ту Евангелие и Псалтырь руськими письмены писано и человека обрет глаголюща тою беседую”. Здесь же он имел возможность научиться хазарскому, еврейскому и русскому языкам (Ламанский 1915: 12). Есть совершенно обоснованное мнение, что Кирилл не создал старославянскую письменность, а, имея книги “руськими письмены писано”, лишь усовершенствовал ее (Греков 1953: 390; Глухов 1987: 18-19, 25-29). Кириллица Кирилла состоит из 24 букв, подобных греческим, и 14, созданных для специфически славянских звуков (Улуханов 1972: 11). В Херсоне-Корсуне среди граффити встречаются буквы славянского письма, например, (**iaтъ**) (Рис. 4/17) (Иванова 1977: 20; Архив НЗХТ. Дело 1061: 22, рис. 89б). Но вполне возможно, что славяне в Херсоне оставили больше граффити в виде греческих букв или слов, так как письмо их было греко-русским.

Участие Херсона в международной торговле Восточной Европы сказалось на его системе веса. Здесь найдены складные миниатюрные весы (Рис. 3/10, инв. № 35876/36). Аналогичные складные весы были распространены на Руси во второй половине IX - начале XIII в. (Янин 1956: 172). Служили они для проверки веса серебряных монет, которые в большом количестве поступа-

ли на территорию Восточной Европы в VIII-XII вв. с арабского Востока (Спаский 1962: 33-49). В Херсоне найдены также маленькие чашечки к складным весам и крышка футляра (Рис. 3/11, 12, инв. № 37041/205). Аналогичный футляр с такой же крышкой найден в Гнездово (Сизов 1902: 88). Есть в Херсоне также сосуд (котел) (Рис. 3/13, инв. № 23396), в котором купцы перевозили серебряные монеты, вмещающие иногда до 50 кг серебра (Рыбаков 1948: 336). Херсонесский сосуд имеет прогнувшееся дно, свидетельствующее о том, сколько много в нем хранилось и перевозилось серебряных монет. Среди гирь, имеющих в Херсоне, есть сферическая железная гиря в медной оболочке со сплюснутыми полюсами (Рис. 3/14, инв. № 37041/206). Такие же гири были широко распространены на Руси. В Херсоне найден также набор железных кубических гирь (Рис. 3/15, инв. № 37041/201), известных в основном в Булгарах и Прикамье (Янин 1956: 173-174; Талицкий 1951: 51).

Итак, по археологическим данным выделяются несколько районов Восточной Европы, с населением которых Херсон имел постоянные контакты в домонгольское время, особенно длительной была связь у него с Рязанью, не только экономическая, но и духовная. Главным экспортом из Рязани в Херсон были не только обычные для Руси товары: меха, мед, воск – но и льняные ткани, которыми славилась Рязань (Якубовский 1928: 74). «Важнейшими воротами, через которые шла торговля с Востоком, был Булгар на Волге, а важнейшей торговой магистралью - Ока. Почти 600 км Окского водного пути проходит по территории Рязанской земли,» - писал А.Л. Монгайт (1955: 90, 96). В Волго-Окском междуречье одно из самых плотных скоплений византийского импорта: изделий художественного ремесла, тканей, стекла, монет и т.д. (Кропоткин 1962: 17; Даркевич 1975: карта 420 на с. 297; Фехнер 1977: 130 сл.). В Рязани найдено самое большое количество нательных крестиков (Даркевич, Пуцко 1981: 218-236), аналогичных херсонским (Рис. 5/5-9). В Рязани раньше, чем где-либо на Руси, образовалась епархия - не под влиянием ли Херсона?

С Рязанью связан единственный письменный источник, свидетельствующий о контактах Херсона с племенами Северной части Восточной Европы. Это «Повесть о перенесении чудотворного образа Николы в Рязанскую землю» из цикла повестей о Николке Зараском (Лихачев 1949: 258-322). Под 1225 г. рассказывается о перенесении иконы Николы Корсунского (потом Зараского) Корсунским священником Евстафием из Корсу-

ня в Зарайск. Это событие редко упоминается в трудах о Херсоне, т.к. казалось одиноким, не подкрепленным археологическим материалом. Зарайск (Зараск, Спасск) находится на реке Осетр, впадающей в Оку. Согласно «Повести», великий чудотворец Никола Корсунский «явился» своему служителю Астафию (Евстафию) и дал совет не только куда нести икону, но и каким путем. «Не полезно ти есть ити через землю поганых половцев, - а далее советует, - ... доиде до устья Днепровского Понетского моря, сеже словет море Руское, и сяде в корабль и поиде Понетским морем в море Варяжское. В Варяжском море доиде до немецкой области, и приде в град нарицаемым Кесь, и прыбись ту мало дней. И поиде сухим через немецкие области...» До Великого Новограда и затем до Рязанской земли. Астафий так и поступил. Встает вопрос: каким путем он добирался от моря Понетского (Черного) до Варяжского (Балтийского)? Вокруг Европы? Но этот путь не менее опасен, чем путь через земли «поганых половцев». Долго я искала ответ на этот вопрос, но вот попались мне на глаза научно-популярные статьи А. Никитина (1986: 48-52; 1990: 7-9), где он доказывает, что путь из «варяг в греки» шел не по Днепровскому пути (Зап. Двина-Днепр или Волхов-Ловать-Днепр), а по пути, проходящему в Западной Европе: Одер или Висла-Дунай, а затем Рим или Константинополь. Этим путем, очевидно, и перенес икону Астафий с женой Феодорой и сыном Остафием. В тексте повести об этом пути ни слова, но это обычный прием средневековых авторов, оставивших свои путевые заметки. Они, как правило, не описывали подробно дороги, которые были хорошо известны и многими часто хожены.

Икона Николы находилась в Зарайском Никольском соборе, в котором каждый год 28 июля на всенощной, под день на память принесения иконы из Корсуни в Зарайск, читалось сказание о ее перенесении (Бочарников 1856: 6, прим.): «А всех лет как пришел чудотворин Николин образ из Корсуни и те попы (т.е. род Астафиев. - Л.К.), служил 389 лет непременно» (Лихачев 1949: 322). Однако род Астафия (Евстафия) Корсунского не иссяк. В середине XVII в. он упоминается в церковных документах, а в середине XIX в. жители Зарайска показывали место (Корсунскую гору), где было жилище Корсунских священников (Лихачев 1949: 259). По-видимому, этот род еще долгое время не терял связи с Херсоном-Корсунем. В Херсонесском музее хранится бронзовая литая створка триптиха XVI-XVII вв., где в три ряда сверху вниз рельефно изображены поясно святые

(инв. № 3032) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 481, пл. CLXIV, 7). Точно такая же створка найдена в Старой Рязани в 1972 г. (Даркевич, Пуцко 1981: 221, рис. 3,11).

Каким путем гости (торговцы), переселенцы, паломники из Северных районов Восточной Европы шли в Херсон? Часть из них пользовалась давно известным Днепровским путем. Но самым коротким был путь по Дону, в который из Оки попадали по рекам Проня, Цна и далее по притокам Дона в Дон. Этим путем ходили не только обитатели Волго-Окского бассейна, но и Прикамья. Дело в том, что в VIII-X вв. большая племенная Танкеевская группировка, населяющая левый берег Камы у ее устья, преграждала болгарам путь в Прикамье (Генинг, Халиков 1964: 161). А с X в., с образованием государства Камская Булгария, сами болгары перекрывали путь всем в Прикамье и контролировали торговлю мехами Биармии. Возникает вопрос - каким путем в верховья рек Чепцы и Камы поступали предметы VII-IX вв., "происхождение которых можно связать с югом Восточной Европы и Сибирью?" (Генинг, Халиков 1964: 161-162). Думаю, что импорт поступал по Дону и, может быть, по р. Воронеж, а затем по рекам Цна-Ока и далее по левым притокам Оки, истекающим с Севера (может быть, по рекам Унжа или Ветлуга). Очевидно, у устья р. Цны находился торг, как и у устья р. Молога (Марков 1976: 92-93), на что указывает несколько фактов. Во-первых, шестнадцать византийских золотых монет VII в., найденных у с. Серповое на р. Цна (Кропоткин 1965: №125, 126). Во-вторых, по среднему течению Оки, недалеко от р. Цна, сосредоточено самое большое количество кладов куфических монет (Кропоткин 1978: 112), а в Муромском районе - самые богатые из них (Горюнова 1961: 336). Много вещей, принадлежащих материальной культуре средне-цнинской мордвы, найдено, как указывалось выше, и в самом Херсоне. Но путь по р. Дон не всегда был безопасен, так как степи Северного Причерноморья всегда были заняты кочевниками, некоторые из них были очень агрессивны, например, "поганые" половцы. В XIII в. здесь появились татаро-монголы, разгромившие русские дружины у р. Калка. В 1237-1238 гг. орды Бату-Субудая подвергли страшному разгрому лесостепные и лесные зоны Восточной Европы, населенные славянскими и угро-финскими племенами. Часть оставшихся в живых жителей этих районов (прежде всего из Рязано-Муромской, Владимиро-Суздальской и Тверской земель) бежали на юг, но не по опасному сейчас Дону, а тем же путем, которым Корсунский священник Астафий принес икону чудотворца Николая в Рязань.

Только шли они в обратном направлении, и путь их лежал в Херсон-Корсунь, с которым они давно установили связи, торговые и духовные.

В 1239-1240 гг. татары разгромили ряд городов в Приднепровье и самый крупный из них - Киев. Вероятно, этим следует объяснить появление в Херсоне большого числа энколпионов XII-XIII вв. и киотный крест первой половины XIII в. (Корзухина 1958: 128-136, табл. II - IV).

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Географическое положение и историческая судьба Херсона-Корсуня определили его роль как одного из видных центров международной торговли в Северном Причерноморье. Это и привлекало в Херсон большое количество переселенцев. В средневековую эпоху город стал особенно многоэтничным и многоязычным, хотя основным языком по-прежнему оставался греческий.

2. Иммигрировали в Херсон не только жители византийских областей, но и частью из Киевской Руси, а также Северных районов Восточной Европы (в основном регионов, богатых пушниной и воском), и среди них были славяне. Активная иммиграция совпадает с периодом оживленной торговли в Восточной Европе. Первый из них: V-VII вв. - время обмена византийского и восточного серебра на богатства Северных областей. Затем арабский период - с VIII до X вв. В середине IX - X в. возобновилась торговля Византии с Русью и Херсоном. Приток славянского (русского) населения в Херсон определил наибольшую военную и дипломатическую активность Руси в Причерноморье в X в. (Белов 1938: 49-50, рис. 27, 30; 115, рис. 74). И, наконец, последний период переселения славян относится к XII-XIII вв. Особенно много переселенцев было из Новгорода и Рязанской земли. В первой половине XIII в. сюда бежали люди из разоренных татарами Северо-Западных районов Восточной Европы и земель Киевской Руси. Из Северо-Западных земель они пробирались, очевидно, тем же путем, которым в 1225 г. нес чудотворный образ Николая Заразского корсунский священник Астафий, только в обратном направлении, и конечным пунктом был хорошо знакомый им Херсон-Корсунь.

3. Массовое переселение иноземцев в Херсон было вызвано интересами торговли и спросом города на ремесленников и рабочую силу. Экономическая политика определила политику религиозную. В христианском Херсоне свободно сосуществовали разноплеменные общины со своими верованиями. Веротерпимость здесь, как и у большинства городов средневековья, была обычным явлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И. 1973 К вопросу о происхождении сережек пасторского типа. *СА* 3.
- Алиханова А.Е. 1948 Перемчалкинский могильник. *Археологический сборник*. (Саранск).
- Амброз А.К. 1965 Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). *СА* 3: 14-28.
- Беленькая Д.А. 1974 Кресты и иконки курганов Подмосковья. *СА* 4.
- Белов Г.Д. 1938 Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. (Севастополь)
- Белов Г.Д. 1955 Итоги раскопок в Херсонесе в 1949-1953 гг. *СА* 24.
- Белов Г.Д., Якобсон А.Л. 1953 Квартал XVII (раскопки 1940 г.). *МИА* 34.
- Бочарников С. 1856 Зарайск. (Москва).
- Булкин В.А., Лебедев Г.С. 1974 Гнёздово и Бирка. К проблеме становления городов. Культура средневековой Руси. (Ленинград).
- Васильевский В.Г. 1893 Русско-византийские исследования. (Санкт-Петербург). 2.
- Византийские очерки. 1966 (Москва).
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964 Ранние Болгары на Волге (Больше - Тарханский могильник). (Москва).
- Гилевич А.И. 1959 Золотые византийские монеты в Херсоне. *СА* 1.
- Глухов А. 1987 Русские книжники. (Москва).
- Голубева Л.А. 1963 Археологические памятники веси на Белом озере. *СА* 3.
- Голубева Л.А. 1964 Огнива с бронзовыми рукоятями. *СА* 3.
- Голубева Л.А. 1966 Коньковые подвески Верхнего Прикамья. *СА* 3.
- Гольштейн А. 1977 Башни в горах. (Москва).
- Гончаров В.К. 1950 Райковецкое городище. (Киев).
- Горюнова Е.И. 1961 Этническая история Волго-Окского междуречья. *МИА* 94.
- Греков Б.Д. 1953 Киевская Русь. (Москва).
- Даркевич В.П. 1961 Топорки как символы Перуна в древнерусском искусстве. *СА* 4.
- Даркевич В.П. 1974 К истории торговых связей Древней Руси. По археологическим данным. *КСИА* 138.
- Даркевич В.П. 1975 Светское искусство Византии. Произведения художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII в. (Москва).
- Даркевич В.П., Монгайт А.А. 1978 Клад Старой Рязани. (Москва).
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г. 1981 Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.). *СА* 3.
- Жиганов М.Ф. 1961 К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н.э. (могильник у поселка Заря). *СА* 4.
- Иванов С.В. 1955 О значении изображений на старинных предметах культа. *Сборник музея антропологии и этнографии* 16.
- Иванов С.В. 1961 Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. (Москва-Ленинград).
- Иванова Т.А. 1977 Старославянский язык. (Москва).
- История культуры Древней Руси 1948. (Москва-Ленинград). 1.
- Казаков Е.П. 1985 Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным. *СА* 4.
- Каргер М.К. 1940 Княжеское погребение XI века в Десятинной церкви. *КСИИМК* 4.
- Каргер М.К. 1978 Древний Киев. (Москва-Ленинград). 1.
- Килиевич С.Р., Орлов Р.С. 1985 Новое в ювелирном ремесле Киева. X в. *Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.* (Киев).
- Кирпичников А.Н. 1966 Древнерусское оружие. *САИ* Е 1-36.
- Колесникова Л.Г. 1975 Погребение воина на некрополе Херсонеса. *СА* 4.
- Колесникова Л.Г. 1978 Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963-1965 гг.). *ВВ* 39.
- Колесникова Л.Г. 2005 Уникальная ткань из Херсона-Корсуна (к вопросу о русско-корсунских связях). *Символ в религии и философии*. (Севастополь).
- Константин Порфирородный 1934 Об управлении государством. *ИГАИМК* 91.
- Корзухина Г.Ф. 1950 Из истории древнерусского оружия XI в. *СА* 13.
- Корзухина Г.Ф. 1958 О памятниках «Корсунского дела» на Руси. *ВВ* 14: 129-137.
- Косцова А.С. 1968 Культура Древней Руси VI-XV вв. (Ленинград).
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1902 Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. *ИАК* 4.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1905 Отчет о раскопках в 1903 году. *ИАК* 16.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1906 Раскопки в Херсонесе близ Склада древностей в 1904 году. *ИАК* 20.
- Котляр Н.Ф. 1985 Древняя Русь и Киев в летописях, преданиях и легендах. (Киев).
- Кропоткин В.В. 1962 Клады византийских монет на территории СССР. *САИ* Е 4-4.
- Кропоткин В.В. 1965 Новые находки византийских монет на территории СССР. *ВВ* 26.
- Кропоткин В.В. 1978 О топографии кладов куфических монет IX века в Европе. *Древняя Русь и славяне*. (Москва).

- Круглова О.В. 1978 Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославля. *СА* 1.
- Крюкова Т.А. 1956 Материальная культура марийцев XIX века. (Йошкар-Ола).
- Кудь Л.Н. 1914 Костюм и украшения древнерусской женщины. *Отдельный оттиск из сборника "Minerva"*. (Киев).
- Кулаковский Ю.А. 1896 Сцены «трапезы» в катакомбах и на надгробных стелах. *МАР* 19.
- Кулаковский Ю.А. 1898 Епископа Феодора «Аланское послание». *ЗООИД* 21.
- Кулаковский Ю.А. 1914 Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. (Киев).
- Курганы Санкт-Петербургской губернии / в раскопках Ивановского Л.К. 1896 *МАР* 20.
- Ламанский В.И. 1915 Славянское житие св. Кирилла. (Петроград).
- Лев Диакон Калойский 1820 История. (Санкт-Петербург).
- Левашева В.П. 1968 Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. *Славяне и Русь*. (Москва).
- Лихачев Д.С. 1949 Повести о Николае Заразком. *Труды отдела древнерусской литературы*. (Москва-Ленинград). 7.
- Львова З.Л. 1977 К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X - начала XI века в Северные районы Восточной Европы. *Археологический сборник* 18.
- Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. Исследования В.Н. Ястребова 1893 *МАР* 10.
- Ляпушкин И.И. 1950 К вопросу о памятниках вольнского типа. *СА* 29-30.
- Марков С. 1976 Земной круг. (Москва).
- Материальная культура Средне-цининской Мордвы VIII–XI вв. 1969 *Археологический сборник*. (Саранск). 3.
- Материалы по археологии Восточных губерний 1899 (Москва). 3.
- Мерперт Н.Я. 1951 О генезисе салтовской культуры. *КСИА* 36.
- Монгайт А.Л. 1955 Старая Рязань. *МИА* 49.
- Никитин А. 1986 Ошибка древнего географа? *Вокруг света* 12.
- Никитин А. 1990 По следам апостола Андрея. *Наука и религия* 9.
- Никольская Т.Н. 1974 Литейные формочки древнерусского Серенска. *Культура средневековой Руси*. (Ленинград).
- Новосельцев А.П. 1982 Арабский географ IX в. Ибн-Хордадбех о Восточной Европе. Исследования по истории феодализма. (Москва).
- ОАК за 1889 г.
- ОАК за 1891 г.
- ОАК за 1894 г.
- ОАК за 1895 г.
- ОАК за 1896 г.
- Петренко В.П. 1984 Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладого. *Новое в археологии СССР и Финляндии*. (Ленинград).
- Плетнева С.А. 1958 Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. *МИА* 62.
- Повесть временных лет 1978 *Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII вв.* (Москва).
- Пятышева Н.В. 1974 Славянская керамика. *Херсонес Таврический. Ремесло и культура*. (Киев).
- Пятышева Н.В. 1982 Статуэтка пляшущего кочевника из Херсона. К вопросу о гуннах в Крыму. *Труды ГИМ*. (Москва). 54/2.
- Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. - СПб. - 1900.
- Рыбаков Б.А. 1948 Торговля и торговые пути. *История культуры Древней Руси*. (Москва-Ленинград). 1.
- Рябинин Е.А. 1986 Костромское Поволжье в эпоху средневековья. (Ленинград).
- Седов В.В. 1968 Амулеты-коньки из древнерусских курганов. *Славяне и Русь*. (Москва).
- Седов В.В. 1982 Восточные славяне в VI -XIII вв. *АС*.
- Седова М.В. 1959 Ювелирные изделия древнего Новгорода. *МИА* 65.
- Седова М.В. 1981 Ювелирные изделия древнего Новгорода. (Москва).
- Сизов В.И. 1902 Курганы Смоленской губернии. *МАР* 28.
- Смирнов А.П. 1951 Волжские Булгары. *Труды ГИМ* 19.
- Смирнов И.Н. 1894 Мордва – историко-этнографический очерк. *Известия общества археологии и этнографии при Императорском Гос. Университете* 11/5.
- Соколова И.В. 1968 Находки монет VI–XII вв. в Крыму. *ВВ* 29.
- Соколова И.В. 1983 Монеты и печати византийского Херсона. (Ленинград).
- Соломина В.П. 1984 Уникальный памятник северного средневекового шитья. *СА* 2.
- Спасский Ч.Т. 1962 Русская монетная система. (Ленинград).
- Спицын А.А. 1902 Древности камской чуди. *МАР* 26.
- Спицын А.А. 1905 Владимирские курганы. *ИАК* 15.
- Спицын А.А. 1906 Шаманские изображения. *Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества*. (Санкт-Петербург). 8/1.
- Спицын А.А. 1909 Уродливые медные статуэтки. *ИАК* 29.
- Талицкий М.В. 1951 Верхнее Прикамье в X–XIV вв. *МИА* 22.
- Тахтай А.К. 1947 Археологические открытия в Херсонесе в 1942-1944 гг. *КСИИМК* 14.

- Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I.
 Труды Новгородской археологической экспедиции 1959 *МИА* 65/2.
 Улуханов И.С. 1972 О языке Древней Руси. (Москва).
 Успенская А.В. 1967 Нагрудные и поясные привески. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. *Труды ГИМ* 43.
 Федоров-Давыдов Г. 1966 Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. (Москва).
 Фехнер М.В. 1968 Крестовидные подвески «скандинавского» типа. *Славяне и Русь*. (Москва).
 Фехнер М.В. 1977 Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси. *СА* 3.
 Халиков А.Х. 1971 Маклашевская всадница. *СА* 1.
 Халиков А.Х. 1973 О столице домонгольской Булгарии. *СА* 3.
 Халиков А.Х., Безухов Е.А. 1960 Материалы по древней истории Поветлужья. (Горький).
 Ханенко Б.Н., Ханенко В.Н. 1899 Древности Приднепровья. (Киев). 1.
 Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1902 Древности Приднепровья. (Киев). 5.
 Хвощинская Н.В. 1976 Население восточного побережья Чудского озера. *КСИА* 146.
 Шальм В.А. 1968 Крестики с эмалью. *Славяне и Русь*. (Москва).
 Шальм В.А., Фехнер М.В. 1967 Привески-бубенчики. Очерки истории русской деревни X-XIII вв. *Труды ГИМ* 43.
 Шестаков С.П. 1908 Очерки по истории Херсонеса. (Москва). 3.
 Якобсон А.Л. 1950 Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.). *МИА* 17.
 Якобсон А.Л. 1964 Средневековый Крым. (Москва-Ленинград).
 Якобсон А.Л. 1970 Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. *МИА* 168.
 Якобсон А.Л. 1985 К истории русско-корсунских связей (XI-XIV вв.). *ВВ* 14.
 Якубовский А.Ю. 1928 Рассказ Ибн-ал Бити о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. *ВВ* 25.
 Янин В.Л. 1956 Денежно-весовые системы русского средневековья. (Москва).

 Eisner J. 1960 Slovani Mod'jari v archeologii. *Slavia Antiqua* 7.
 Kobareluh J. 1975 Преглед материјалне културе јижних славена у раном средњем веку. (Београд).

СПИСОК АРХИВНЫХ ДЕЛ

- Архив НЗХТ. Дело № 48.
 Архив НЗХТ. Дело № 323.
 Архив НЗХТ. Дело № 347.
 Архив НЗХТ. Дело № 728/II.
 Архив НЗХТ. Дело № 788/I;
 Архив НЗХТ. Дело № 1061.
 Архив НЗХТ. Дело 1284.
 Архив НЗХТ. Дело № 1449/1.7.
 Лепер Р.Х. Опись древностей 1908 года // Архив НЗХТ. - Д.101.
 Лепер Р.Х. Опись находок из раскопок 1909 г. на месте скотного двора // Архив НЗХТ. - Д. 102.
 Пятыешева Н.В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1966 году // Архив НЗХТ. - Д. 1220/I.
 Стржелецкий С.Ф., Токарева Р. Н. Раскопки юго-восточной части квартала (перемычки) Херсонесского порта // Архив НЗХТ. - Д. 1160.

SUMMARY

L.G. Kolesnikova

THE RELATIONS BETWEEN CHERSON-KORSUN' AND THE TRIBES OF EASTERN EUROPE IN THE PRE-MONGOL PERIOD

1. Geographic situation and historical destiny of Cherson-Korsun' determined its role as one of the important centres of international trade in the Northern Black Sea Littoral. This was the circumstance that attracted a huge number of migrants to Cherson. In the medieval period, although the city became especially polyethnic and multilingual one, Greek still remained

to be its main language.

2. Cherson received migrants not only from Byzantine regions but partly from Kievan Rus' and northern regions of Eastern Europe as well (mainly from the regions rich in furs and wax); the Slavs were among these migrants. Wide-scale immigration coincided with the period of brisk trading in Eastern

Europe. The first migration period was from the fifth to the seventh century, that is the time of exchanging Byzantine and Oriental silver for the riches of the northern regions. Then was the Arabic period, from the eighth to the tenth century. Byzantine trade with Rus' and Cherson revived in the middle of the ninth and tenth centuries. The inflow of the Slavic population into Cherson determined that maximum military and diplomatic activity of Rus' which took place in the Northern Black Sea Littoral in the tenth century. And finally, the last period of migration of the Slavs dates to the twelfth and thirteenth centuries. Especially numerous were the migrants from Novgorod and Ryazan' region. People from devastated by the Tatars north-western regions of Eastern Europe and Kievan Rus' principalities fled to Cherson from the first half of

the thirteenth century. They made their way from the north-western regions perhaps using the same route with priest Astafiy of Korsun' who carried miracle-working image of Nicholas of Zaraysk in 1225, but in the opposite direction, having Cherson-Korsun' that they knew well as their destination point.

3. Large-scale migration of the strangers to Cherson was caused by the interests of the trade and this city's demand in craftsmen and labour force. This economic policy defined the religious policy. In Christian Cherson, communities of different tribes with their own beliefs coexisted freely. There, toleration of religion was everyday occurrence, similarly to the majority of medieval cities.

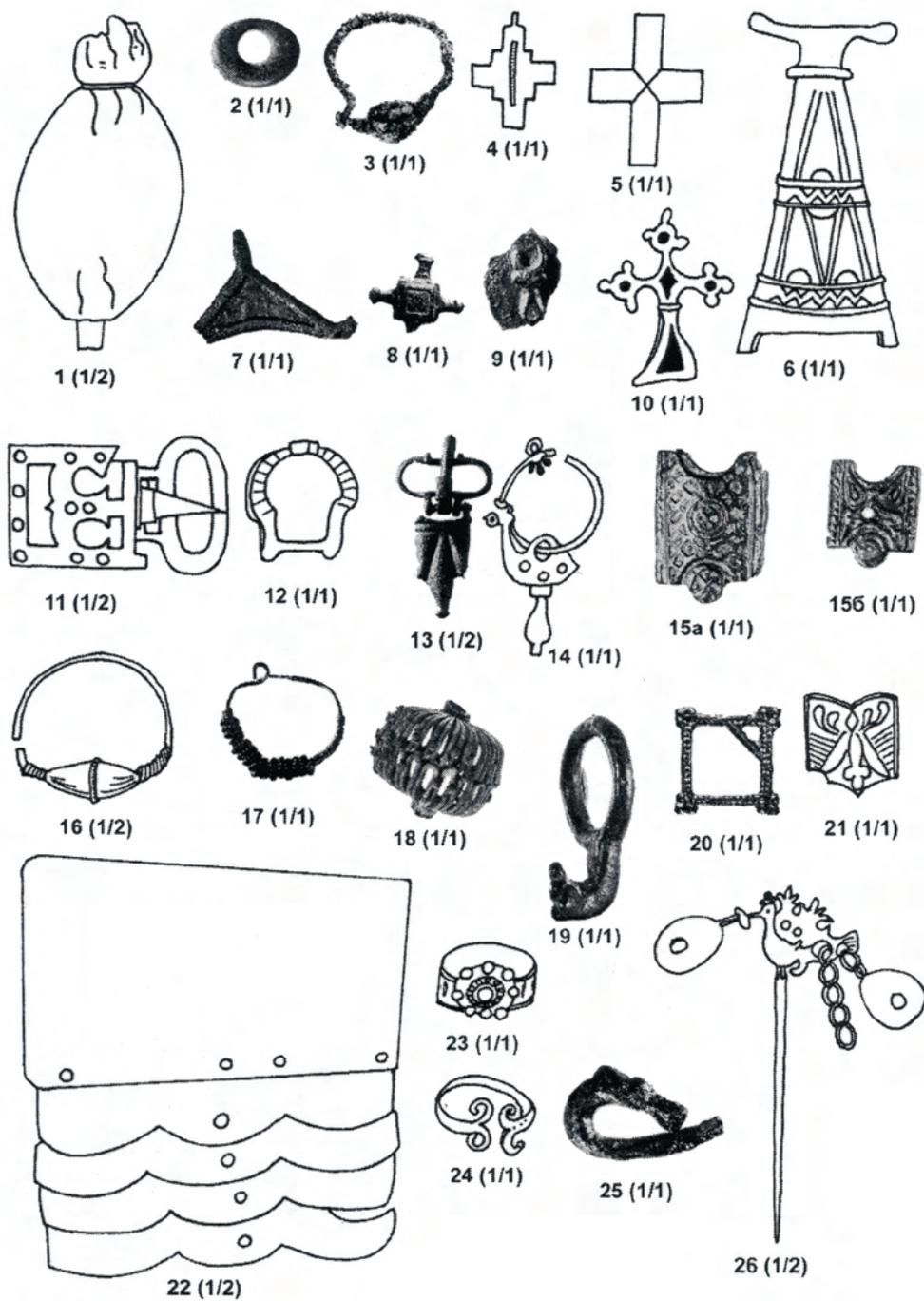

Рис. 1

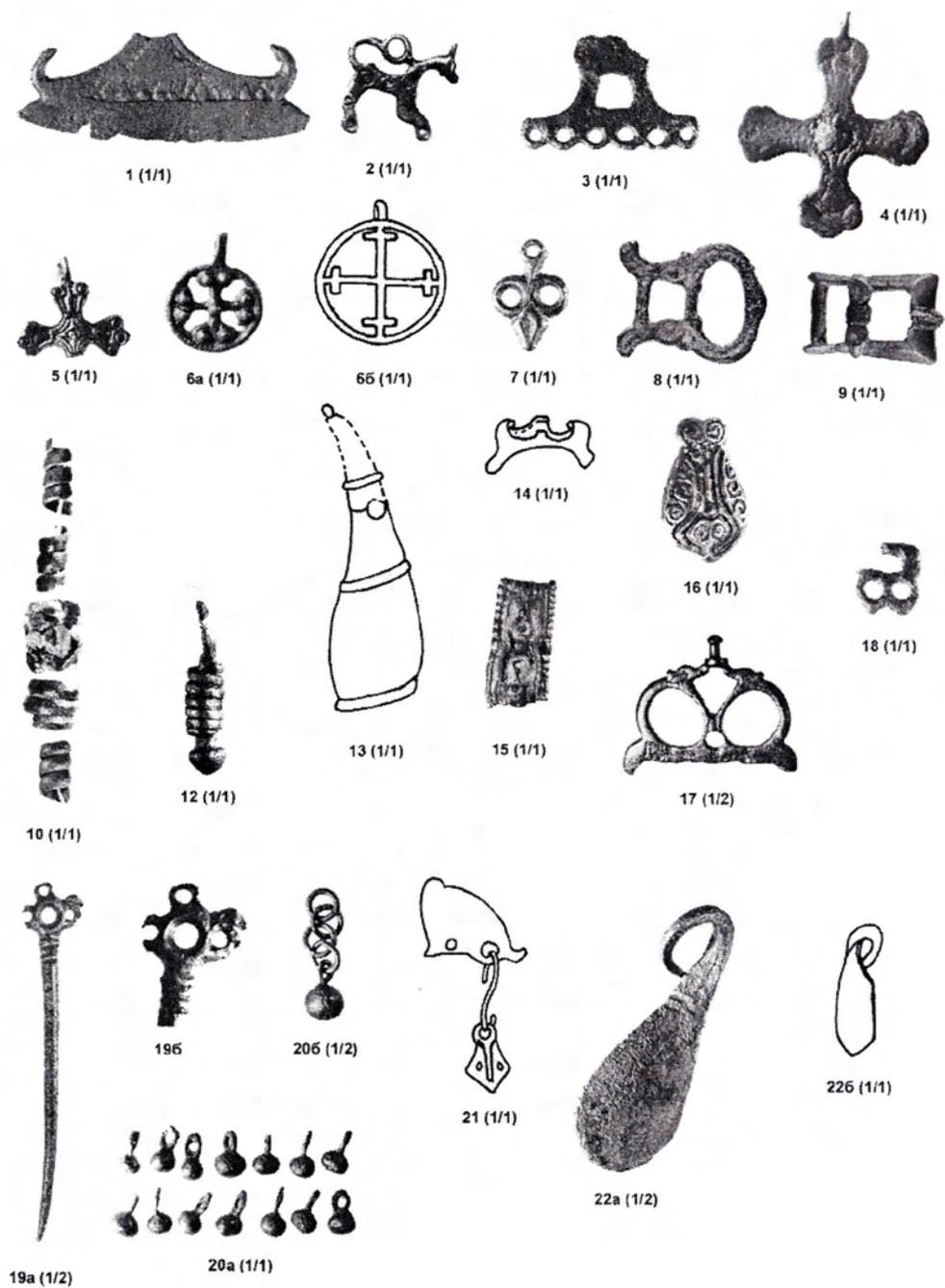

Рис. 2

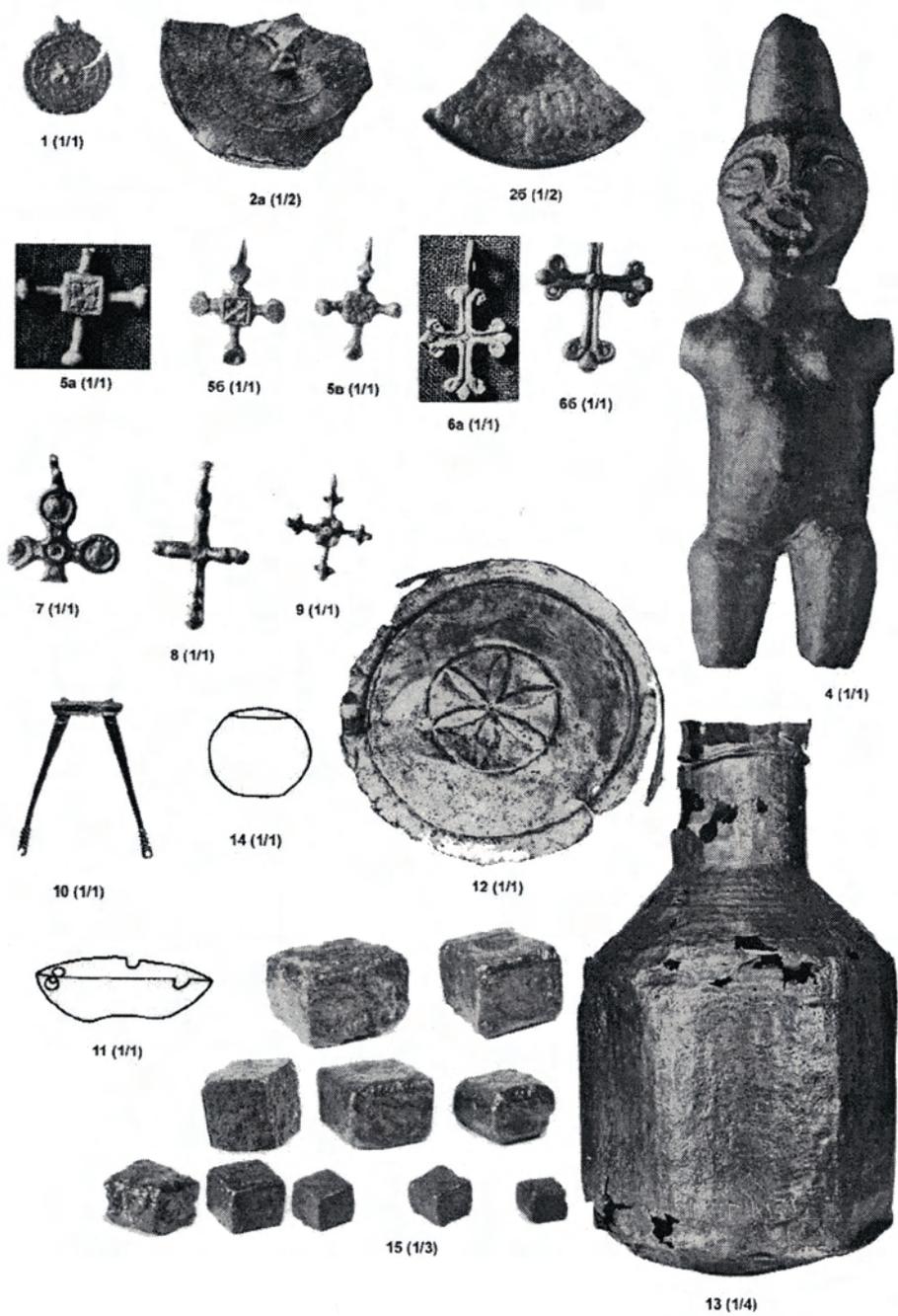

Рис. 3

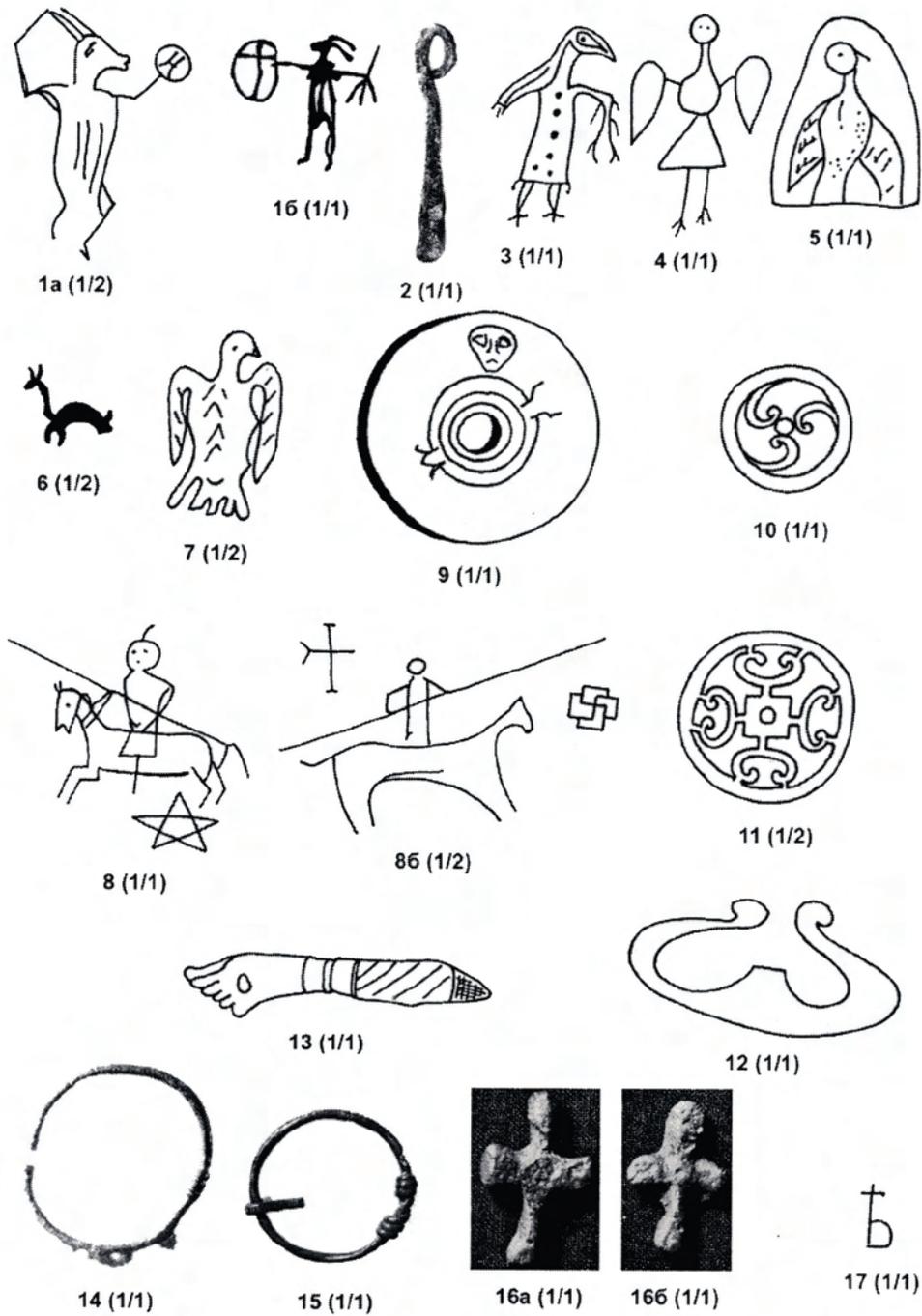

Рис. 4